

Последние пару дней Тан Цзю всеми силами старался избегать встреч с доктором Чжуаном. Пусть парень и славился душевной простотой, но глупым не был, да и парнями интересовался давно. Брошенная Чжуан Хуанем фраза явно выходила за рамки приличий и заставила Тан Цзю крепко задуматься. Прежде он считал доктора человеком суровым лишь снаружи, а в душе — заботливым и мягким, оттого и принимал его опеку за чистую монету. Вот только слова «не хочу, чтобы тебя видело столько людей» в дружеский лексикон укладывались со скрипом.

Хотелось верить, что он просто накручивает себя.

Близился конец рабочего дня. Тан Цзю по привычке выстроил ребятешек парами и вывел к воротам. Родители одного за другим разбирали детей, пока на крыльце не остался лишь один пухлый мальчуган. Миновало двадцать минут, но за ним так никто и не пришел.

— Кто за тобой сегодня прибежать должен? — ласково спросил Тан Цзю, присаживаясь перед ним на корточки.

— Папка вроде, — шмыгнул носом малыш.

Тан Цзю отыскал в журнале контакты родителей и набрал сначала отца, потом мать — безрезультатно, трубку никто не брал. Прошло еще полчаса. Сумерки сгустились над городом, ворота детского сада пора было запирать. Делать нечего: сверившись с адресом в карточке, воспитатель решил лично доставить подопечного домой.

Дорога оказалась неблизкой — трястись в автобусе пришлось добрых полчаса. Когда они наконец поднялись к квартире, дверь никто не открыл. Тан Цзю битый час расспрашивал соседей, пока наконец не выяснил, где носит отца семейства. Оказалось, нерадивый папаша так увлекся картами, что напрочь позабыл о существовании собственного сына. В этот момент к подъезду как раз подлетела запыхавшаяся мать.

Узнав, в чем дело, эта с виду собранная, деловая женщина мгновенно сорвалась на визг:

— Чэнь Дачжуан, скотина! Я же русским языком тебе с утра талдычила: у меня совещание! Просила по-человечески — забери сына! А ты? Кроме своих паршивых карт вообще ничего вокруг не видишь?! Родного ребенка на улице бросил!

— Да ладно тебе орать при людях, — огрызнулся муж. — Один раз оступился, с кем не бывает?

Супруги с привычной ссорой принялись выяснять отношения. У Тан Цзю от их криков уже голова шла кругом. Вместе с соседями кое-как утихомилив буянов, он бросился на остановку и едва успел запрыгнуть в последний автобус. Домой парень добрался лишь в начале десятого вечера. Нажав на ручку двери, он удивленно замер: в прихожей горел свет, но Чжуан Хуаня нигде не было видно. Недоумевая, Тан Цзю вытащил из кармана телефон, намереваясь набрать доктора, но экран оставался черным — мобильник успел намертво разрядиться.

Стоило воткнуть зарядку и запустить систему, как экран запестрел уведомлениями. Почти два десятка пропущенных вызовов — и все от Чжуан Хуаня за последние пару часов.

Сердце Тан Цзю пропустило удар. Он потянулся к кнопке вызова, но в этот момент за спиной щелкнул замок, и входная дверь распахнулась. На пороге стоял Чжуан Хуань.

Он тяжело дышал, будто без оглядки мчался вверх по лестнице, минуя лифт. На бледном, всегда безупречно спокойном лице застыл дикий, ничем не прикрытый страх. Лишь столкнувшись взглядом с Тан Цзю, доктор шумно выдохнул и на мгновение прикрыл глаза, справляясь с нахлынувшим облегчением.

— Прости, пожалуйста! — поспешно заговорил Тан Цзю. — У меня телефон сел, я только-только на зарядку поставил и хотел...

Договорить он не успел. Чжуан Хуань в три широких шага преодолел разделявшее их расстояние и без лишних слов крепко, до хруста в ребрах, прижал его к себе.

Тан Цзю оцепенел в этих объятиях, так и замерев с зажатым в руке мобильным.

— Ты хоть понимаешь, как напугал меня? — глухо, сдавленным от подступающих эмоций голосом прошептал Чжуан Хуань. — Я решил, что...

Сунь Ци, которого они встретили на банкете, славился среди избалованной золотой молодежи омерзительной репутацией. На его счету числилась не одна грязная история с принуждением и насилием. Не дождавшись Тан Цзю к сроку и не сумев дозвониться, Чжуан Хуань не на шутку запаниковал. Воображение рисовало самые жуткие картины, и мужчина, не помня себя от тревоги, последние несколько часов метался по городу в бесплодных поисках.

— Со мной все в порядке, честно, — неловко пробормотал Тан Цзю, слабо трепыхнувшись. — Просто одного мальчишку родители не забрали, пришлось везти его домой... Слушай, отпусти меня, а?

Мужчина медленно разжал руки, но взгляда от его лица так и не отвел. В этих глазах читалась странная, пугающая глубина.

Тан Цзю замялся, покусывая губы. Нервно переступив с ноги на ногу, он все же решился и прямо посмотрел на доктора:

— Чжуан Хуань, можно спросить тебя кое о чем? Ты ведь... влюблен в меня?

Тан Цзю не умел копить недомолвки и годами изводить себя сомнениями. Пусть даже это глупое недоразумение, пусть его поднимут на смех за излишнюю самонадеянность — лучше уж прояснить всё раз и навсегда. Ладно, ту фразу в больнице еще можно было списать на

разыгравшуюся фантазию, но этот отчаянный удушающий объятия-тиски... Такое сложно принять за простое дружеское участие.

Да и вся прежняя забота Чжуан Хуаня, каждая мелочь их совместной жизни теперь складывались в единую, пугающе ясную картину.

— Да.

Тан Цзю еще только готовился к долгому объяснению, а Чжуан Хуань уже выдохнул это короткое, рубящее наповал слово. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Юноша отвел взгляд, чувствуя, как к горлу подкатывает тяжелый ком вины.

— Прости, доктор Чжуан... — тихо выговорил он. — Но я не могу ответить тебе взаимностью.

Тан Цзю обожал заглядываться на статных красавцев, но ветреным никогда не был. Если уж любил — то до конца.

С момента побега из первого мира утелко немало воды. Парень всеми силами гнал прочь воспоминания о тех днях, отчаянно стараясь не думать об одном конкретном человеке.

Но сердцу не прикажешь. Стоило опуститься ночной тьме, как вкрадчивые сны безжалостно возвращали его в объятия Янь Юйчэня.

Редко это были сладкие, умиротворяющие грезы. Чаще сквозь сон он видел, как Янь Юйчэнь ласково говорит с Линь Цзиньчжи, пока сам Тан Цзю неприкаянной тенью стоит в стороне. Он смотрел на них, не в силах сделать и шага навстречу, пока грудь не разрывало от такой горькой, удушающей тоски, что он просыпался среди ночи. Проводил пальцами по щеке — и наткался на холодные слезы.

Он прекрасно понимал: их пути разошлись навсегда. Самым разумным было бы вычеркнуть князя Дуаня из памяти, но излечить израненную душу за пару недель — задача непосильная. О том, чтобы без оглядки броситься в новые отношения, не могло быть и речи.

Каким бы идеальным ни казался доктор Чжуан, Тан Цзю просто не мог позволить себе ответить на его чувства.

Чжуан Хуань шумно втянул воздух, словно комната внезапно лишилась кислорода. Прошло несколько долгих, тягучих мгновений, прежде чем он выдавил из себя:

— Могу я узнать... почему?

Рассказать правду? Признаться, что его сердце до сих пор безраздельно принадлежит другому?

Тан Цзю побоялся расспросов, которые неизбежно последуют за этим признанием, а потому лишь виновато опустил голову, храня молчание.

Чжуан Хуань и в этот раз остался верен своей чуткости. Не став настаивать, он лишь криво усмехнулся:

— Прости. Поддался порыву. Не хотел тебя пугать.

Тан Цзю нечасто доводилось видеть людей, способных принять отказ с таким достоинством. Чувство вины закололо с новой силой, и он торопливо забормотал:

— Да нет, что ты! Ты ничуть меня не испугал! И вообще... ты замечательный человек, доктор Чжуан.

— Давай обойдемся без утешительных ярлыков «хорошего парня», — Чжуан Хуань попытался улыбнуться, но вышло вымученно. — Уже поздно, а ты вымотался. Иди отдыхай.

С радостью ухватившись за предложенный повод сбежать от удушающей неловкости, Тан Цзю поспешно юркнул в свою комнату и плотно прикрыл дверь.

Несмотря на всю свою душевную толстокожесть, уснуть Тан Цзю так и не смог. Он долго ворочался с боку на бок, то проваливаясь в тревожное забытие, то вновь выныривая в реальность. Около трех часов ночи он тихонько выбрался в туалет. Возвращаясь обратно в спальню, он случайно скользнул взглядом по гостиной и замер на месте: Чжуан Хуань по-прежнему сидел там.

В квартире царил непроглядный мрак. Мужчина неподвижно застыл на диване, уставившись невидящим взором в темное окно. Тусклые отсветы уличных фонарей ложились на его точеный профиль, очерчивая глубокие тени. В этом безмолвном силуэте сквозило такое беспросветное, щемящее одиночество, что у Тан Цзю болезненно сжалось сердце.

Утром доктор как ни в чем не бывало отправился на смену, а Тан Цзю, сославшись на плохое самочувствие, взял на работе отгул.

Он твердо решил съехать.

После вчерашнего ночного разговора делить одну крышу казалось верхом цинизма. Чжуан Хуаню наверняка тоже не доставляло радости ежедневно наткаться на того, кто его отверг. Поспешный переезд виделся единственным способом избавить их обоих от мучительной пытки неловкостью.

Тан Цзю стащил с антресолей чемоданы и споро уложил скудные пожитки. Уходить по-английски, оставив лишь пустые вешалки, совесть не позволяла, поэтому он решил дожидаться

вечера, чтобы объясниться лично и цивилизованно попрощаться.

Однако планы полетели к чертям: у врачей из отделения наметился внеплановый банкет. Тан Цзю томился в ожидании долгие часы. Шаги в коридоре раздались лишь в одиннадцатом часу вечера.

— Ты что, пил? — Тан Цзю невольно наморщил нос, едва дверь приоткрылась: в прихожую ворвался густой шлейф алкогольных паров.

С момента их знакомства Чжуан Хуань всегда казался образцом безупречного самообладания. Чопорный, немного брезгливый, вечно пахнущий легким ароматом аптечной стерильности — Тан Цзю готов был поклясться, что этот человек вообще не притрагивается к спиртному.

— Прости... — Чжуан Хуань заметно покачнулся. Алкоголь изрядно ударил ему в голову: двигался он медленнее обычного, а туманный взгляд казался непривычно расфокусированным.
— Я сейчас... только приму душ.

— Эй, да я же не в упрек! — Тан Цзю поспешил перехватить его за локоть. Сам не раз страдая от жестокого похмелья, он искренне сочувствовал другу. — Давай я лучше заварю тебе чаю или сделаю теплой воды с медом?

Чжуан Хуань уже приоткрыл рот, чтобы ответить, как вдруг его взгляд зацепился за темные силуэты двух дорожных чемоданов, сиротливо примостившихся в углу прихожей. Мужчина словно окаменел.

Медленно, с трудом поворачивая голову, он вперил в Тан Цзю тяжелый, пугающе неподвижный взгляд:

— Ты уходишь?

— Ну... да, — промямлил Тан Цзю, внезапно устыдившись своего решения, и поспешно устался в пол. — Понимаешь, приятель подкинул отличный вариант прямо рядом с садиком. Добираться будет в разы удобнее, вот я и подумал...

Чжуан Хуань пропустил нелепые оправдания мимо ушей.

— Из-за меня? Бежишь от меня, да?

— Вовсе нет... — Тан Цзю неловко потер кончик носа. — Послушай, ты сейчас не в том состоянии. Давай выписься, а завтра на свежую голову всё обсудим.

Решив, что с медовой водой можно не торопиться, он попытался боком проскользнуть в

коридор, но не успел сделать и шага. Сильные пальцы мертвой хваткой вцепились в его предплечье. В следующее мгновение Тан Цзю бесцеремонно вздернули и наотмашь прижали спиной к прохладной стене гостиной.

Хмель выжег из доктора всю его привычную мягкость и деликатность, обнажив первобытную, пугающую силу. В потемневших глазах мужчины плескались ярость и отчаяние.

— Отвечай, — выдохнул он прямо в лицо Тан Цзю, опалая кожу горячим алкогольным дыханием. — Ты уходишь, потому что я тебе противен?

От такого напора Тан Цзю вжал голову в плечи и малодушно пискнул:

—... Да.

Чжуан Хуань судорожно вздохнул, точно от внезапной физической боли, пронзившей самую грудь. Его голос сорвался на едва различимую дрожь:

— Значит... стоило мне открыться, как ты тут же решил вычеркнуть меня из жизни?

Тан Цзю не совсем уловил скрытый смысл его слов, но нутром почуял: доктор балансирует на грани безумия. Какая-то невидимая плотина, сдерживавшая бурю внутри этого человека, окончательно рухнула. Паника ледяной змейкой поползла по позвоночнику. Тан Цзю дернулся, отчаянно пытаясь высвободить запястья:

— Пусти! Тебе нужно лечь! Завтра поговорим, Чжуан Хуань, отпусти же!..

Вместо ответа мужчина лишь сильнее сжал пальцы, лишая малейшей возможности шевельнуться. В его глазах вспыхнул дикий, собственнический огонь. Прежде чем Тан Цзю успел сообразить, чем это грозит, Чжуан Хуань рванулся вперед и грубо, исступленно впился в его губы.

Это был не поцелуй — доктор буквально кусал его.

От резкой боли Тан Цзю судорожно выдохнул и попытался оттолкнуть обезумевшего мужчину, но его хватка была железной. Сняв сопротивление, Чжуан Хуань навалился всем телом, увлекая его за собой, и они вместе рухнули на мягкие подушки дивана.

Горячее дыхание с привкусом дорогого алкоголя ворвалось в рот, безжалостно сметая хлипкую оборону. Это походило на ураган, без разбора уничтожающий все мысли в голове Тан Цзю. Не имея возможности вырваться из-под этого тяжелого тела, он мог лишь безвольно принимать чужую ласку. Мужчина жадно исследовал каждый уголок его рта, сминая податливые губы, пока наконец не замер, требовательно и нежно втягивая его верхнюю губу.

Тан Цзю внезапно замер, пораженный неожиданным открытием.

Резкая перемена уладила бушевавший в мужчине шторм. Решив, что парень наконец сдался, Чжуан Хуань умерил натиск. Его поцелуи сделались медленными, тягучими. Он бережно очерчивал языком контур его губ, бережно покусывал и ласкал верхнюю губу, словно извиняясь за недавнюю грубость.

Когда безумие окончательно утихло, губы Тан Цзю горели и почти онемели от этой неистовой ласки. Выплеснув накопившуюся горечь, Чжуан Хуань обмяк и, уткнувшись носом в его шею, мгновенно уснул прямо поверх него.

С трудом выбравшись из-под тяжелого тела, Тан Цзю бережно устроил спящего доктора на диване. Он долго сидел рядом на корточках, не сводя глаз с его умиротворенного лица, и задумчиво касался пальцами опухших, саднивших губ.

Нет, это точно не могло быть ошибкой.

Манера целоваться, эти мелкие привычки, этот собственнический напор... Чжуан Хуань делал всё в точности так же, как когда-то Янь Юйчэнь.

У Тан Цзю в настоящем теле когда-то рос маленький острый клык — чуть правее передних зубов. Он с детства любил задумчиво трогать его кончиком языка. В первом мире у его нового физического воплощения этой особенности не водилось, однако старая привычка никуда не делась. Встречаясь с Янь Юйчэнем, парень не раз замечал, как тот во время поцелуев обожал оглаживать языком именно это место. Тан Цзю запомнил эту деталь на всю жизнь.

И только что Чжуан Хуань с упорством маньяка ласкал именно ту самую несуществующую точку.

Мало того — все прочие мелочи совпадали до пугающего: та же привычка поддразнивать кончик его языка, то же настойчивое покусывание верхней губы на исходе поцелуя...

Одно совпадение можно списать на случайность. Но когда совпадает весь рисунок ласки, от начала и до конца — глупо отрицать очевидное.

В голове Тан Цзю вспыхнула безумная, невероятная догадка. Захлебываясь от восторга, он мысленно закричал:

«Саньсань! Саньсань, ну-ка живо вылазь!»

«Я тут!» — мгновенно отозвался 233-й, чей виртуальный процессор едва не плавился от восторга после просмотра столь бурной романтической сцены в первом ряду. «Что стряслось?»

«Ответь мне честно: в этом мире есть другие путешественники вроде меня?» — с придыханием спросил Тан Цзю.

«Точной информации у меня нет, но теоретически это вполне возможно,» — пустился в объяснения системный помощник. «Вселенных и контролирующих их департаментов великое множество, наша служба — лишь капля в бескрайнем море.»

Тан Цзю победно улынулся. Пазл сложился: в телах Янь Юйчэня и Чжуан Хуаня обитал один и тот же человек, делящий с ним это бескрайнее странствие по мирам!

От осознания этого факта парня так накрыло эйфорией, что ему захотелось прямо среди ночи выбежать на улицу и нарезать пару кругов вокруг дома.

«Тогда завтра же устрою Чжуан Хуаню допрос с пристрастием!»

«Стой-стой-стой, даже не думай!» — испуганно завопил обычно легкомысленный Саньсань. «В правилах Департамента черным по белому написано: раскрытие статуса путешественника строжайше запрещено! Нарушение протокола конфиденциальности повлечет за собой катастрофические последствия, вплоть до немедленного аннулирования миссии!»

«Оу...» — разочарованно протянул Тан Цзю.

Впрочем, здравый смысл подсказывал, что система права. Заяви он кому-то посреди бела дня, что прибыл из другого измерения и занял чужую телесную оболочку, его бы в лучшем случае сочли опасным безумцем и уперли в лечебницу.

«Не расстраивайся, дорогой хост!» — поспешил утешить его 233-й. «Твои выводы звучат крайне логично. Помнишь, что я говорил тебе в самом начале? Успешное выполнение миссий копит очки удачи и постепенно рассеивает твое проклятие притягивать всяких подонков. Судя по всему, колесо фортуны наконец повернулось в нужную сторону! Этот таинственный странник — и есть твоя судьба!»

Слово «судьба» стрелой Амура прошило грудь Тан Цзю насквозь. В его глазах буквально заплескали восторженные искры.

Счастье обрушилось на него так внезапно, что кружилась голова!

Значит, он больше не тот несчастный неудачник, которому на роду написано наткаться лишь на предателей и подлецов?

Сама судьба посылает ему этого невероятного, потрясающего мужчину, который любит его всем сердцем!

Да! Да! Да!

Тан Цзю от избытка чувств принялся кататься по ковру у дивана, тихонько подвывая от восторга. Вдоволь нарезвившись, он подполз поближе к спящему доктору и уставился на него сияющим взглядом. Спустя пару минут он не выдержал и осторожно, едва дыша, ткнул Чжуан Хуаня пальцем в упругую щеку.

Безумно хотелось узнать, как его избранник выглядит в своем настоящем обличье.

Тот ведь тоже наверняка вынужден отыгрывать чужие роли, подстраиваясь под характер предоставленных тел. Какой же он на самом деле?

Наглый и вальяжный, как князь Дуань? Или же холодный интеллектual вроде доктора Чжуана? А может, за этими масками скрывается кто-то совершенно иной?

Впрочем, размышления заняли от силы три секунды, после чего Тан Цзю беззаботно отмахнулся от сомнений.

Какая разница? Он примет его любым! Этот человек прошел за ним сквозь миры, окружил такой нежностью и заботой... Да пусть он в реальности окажется круглым дураком — Тан Цзю его уже никуда не отпустит!

<http://bllate.org/book/20582/2192878>